

СЛОВО

въ день св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова ¹⁾).

*„Пишу вамъ, чадо, яко оставляюся
вамъ трѣси имене Его ради. Пишу вамъ, от-
цы, яко познасте Безначальнаго. Пишу вамъ,
юноши, яко побѣдите лукаваго.*

*Пишу вамъ, дѣти, яко познасте Отца.
Писалъ вамъ, отцы, яко познасте Искон-
наго. Писалъ вѣмъ юноши, яко крѣпцы есте,
и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣ-
дите лукаваго“ (1 Іоан. II, 12—14).*

Сегодня у насъ, братію, двойной праздникъ и сугубое торжество. Вмѣстѣ со всею Церковью мы празднуемъ день священной памяти Апостола и Евангелиста Христова Іоанна Богослова и къ этому общецерковному празднику присоединяемъ и собственное годичное торжество нашей школы. И не только у насъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, служащихъ разсадниками духовнаго просвѣщенія, нынѣшній день имѣетъ такое значеніе. День св. Ап. Іоанна Богослова есть по преимуществу праздникъ богословской науки и праздникъ учащагося въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ юношества. Представители богословской науки въ лицѣ Апостола Іоанна видятъ своего небеснаго Покровителя, такъ какъ ему Церковь усвоила отличительное наименованіе Богослова и онъ, дѣйствительно, является таковымъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, а духовные учащіеся юноши имѣ-

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Братскаго монастыря 26 сентября 1909 г.

ютъ въ Апостолѣ Іоаннѣ самаго юнаго изъ лика Апостоловъ Христовыхъ, бывшаго въ моментъ своего призванія Спасителемъ ихъ сверстникомъ и сохранившаго до глубокой старости особенную любовь къ этому возрасту, какъ это видно изъ приведенныхъ въ началѣ словъ его посланія и изъ церковнаго преданія о юношѣ, спасенномъ Апостоломъ отъ духовной гибели. Но и вся вообще церковь, всѣ хрістіане всѣхъ временъ и народовъ, хотя одинаково ублажаютъ всѣхъ Апостоловъ за ихъ благовѣстническіе подвиги и труды, съ особенною торжественностью празднуютъ память св. Ап. Іоанна Богослова и выказываютъ особенные знаки своей любви и благоговѣнія къ нему. И Церковь и не можетъ иначе поступать, ибо Самъ Глава ся Богочеловѣкъ Господь Іисусъ Христосъ во время Своей земной жизни, хотя всѣмъ Своимъ Апостоламъ, „которыхъ далъ Ему Отецъ“ (Іоан. XVII, 9), одинаково сказалъ: *„Якоже возлюби Мя Отецъ и Азъ возлюбилъ васъ“* (Іоан. XV, 9), но особенной и преимущественной Своей любви удостоилъ именно Апостола Іоанна, который поэтому и называетъ себя „*ученикомъ, еяже любяше Іисусъ*“ (Іоан. XIII, 23; XXI, 7, 20). Церковь въ лицѣ Ап. Іоанна имѣетъ возлюбленнаго ученика Христова, великаго Апостола любви, столпа церковнаго, который руководилъ ея жизнью дольше другихъ Апостоловъ, новозавѣтнаго пророка, предсказавшаго ея будущую судьбу, печать апостольскаго вѣка. Если воспользоваться образомъ, видѣннымъ самимъ Апостоломъ Іоанномъ, когда онъ былъ въ духѣ и когда ему была показана Церковь въ видѣ великаго города, небеснаго Іерусалима, основаніе стѣны котораго украшено 12-ю драгоценными камнями, символизирующими 12 Апостоловъ, то надо сказать, что св. Іоаннъ Богословъ является однимъ изъ драгоценнѣйшихъ изъ этихъ камней съ своимъ особеннымъ своеобразнымъ блескомъ. На тверди церковной это будетъ звѣзда не только одна изъ крупнѣйшихъ, но и одна изъ замѣчательнѣйшихъ

но издаваемымъ его лучамъ, лучамъ особенной красоты и силы.

Всмотримся же ближе въ свѣтъ этой звѣзды на небо-склонѣ Христовой Церкви, попытаемся точнѣе и полнѣе опредѣлить тѣ особенности духовнаго склада, тѣ стороны духовной природы св. Ап. Іоанна, которыя дѣлають Его образъ столь дорогимъ и священнымъ для всѣхъ христіанъ вообще и для нашего духовнопросвѣтительнаго братства, въ частности.

Особенности личности св. Ап. Іоанна ускользають отъ точнаго опредѣленія, но онѣ чувствуются всякимъ внимательнымъ читателемъ его писаній и сказываются во всѣхъ извѣстныхъ изъ преданія подробностяхъ его жизни. О чемъ больше всего говорятъ писанія воспоминаемаго нѣмѣ Апостола? Огвѣтъ ясенъ: о любви. Любовь—вотъ слово, которое чаще всего встрѣчается у Ап. Іоанна; любовь—вотъ основной предметъ его посланій. „Возлюбленніи, возлюбимъ другъ друга“—вотъ постоянное паставленіе въ этихъ посланіяхъ. Но и церковное преданіе характеризуетъ намъ Ап. Іоанна все съ той же стороны. Сохранился трогательный рассказъ о томъ, что когда св. Апостолъ сдѣлался весьма старымъ и не былъ въ состояніи вести пространныхъ бесѣдъ съ учениками, онъ всегда и неизмѣнно повторять лишь одно сіе краткое изреченіе: „дѣтки, любите другъ друга“. О любви говорятъ и другіе Апостолы,—напр. Ап. Іаковъ говоритъ о ней, какъ о законѣ царскомъ (Іак. II, 8), Ап. Петръ,—какъ о покрывающей множество грѣховъ (1 Петр. IV, 8). Ап. Павелъ,—какъ о превосходнѣйшемъ пути и высочайшемъ дарѣ, безъ котораго другіи духовныя дарованія немного значать (1 Кор. XIII), но такъ постоянно и настойчиво, новъ такой системѣ, въ какой говорится о любви у Ап. Іоанна, о ней никто изъ Апостоловъ не говорилъ. Если любовь къ Богу и ближнимъ, по слову Самого Спасителя, есть то, на чемъ утверждается весь законъ и пророки (Мо. XXII, 40),

если по слову Ап. Павла любовь есть совокупность совершенства (Кол. III, 14), а по слову свв. Отцев Церкви, она есть начало и конецъ всей добродѣтельной жизни (св. Іоаннъ Злат.), причина всѣхъ благъ (св. Ефремъ Сиринъ), то теперь станетъ понятнымъ,—что св. Ап. Іоаннъ, уча всегда о любви, постоянно пребывалъ, значить, въ самомъ святоѣ святыхъ христіанскаго нравоученія и христіанской жизни. Но не одну только психологію любви и ея нравственную цѣнность раскрываетъ въ своихъ писаніяхъ св. Ап. Іоаннъ: онъ предлагаетъ намъ въ нихъ, если можно такъ выразиться, и метафизику любви и ея эсхатологію. Онъ указываетъ первопричину и высочайшій источникъ нашей любви въ недомыслимой и премірной любви Божіей, проявленной въ твореніи, промысленіи и искупленіи насъ. *„Любы отъ Бога есть,—поучаетъ онъ насъ, и всякъ любяй—отъ Бога рожденъ есть и знаетъ Бога, и не любяй не позна Бога“* и дальше онъ изрекаетъ слово, которое является величайшимъ во всемъ Новомъ Заветѣ: *„яко Богъ любви есть“* (1 Іоан. IV, 7, 8). Особенно сказалась любовь Божія къ намъ въ тайнствѣ искупленія и возрожденія нашего. *„Пишу вамъ, члвци, яко оставляются вами грѣси имене Его ради; пишу вамъ, дѣти, яко познаете Отца“* (1 Іоан. II, 12, 14). Оставленіе грѣховъ, право обращаться къ Богу, какъ своему Отцу небесному—всѣ эти величайшія блага, распространяющіяся на всѣхъ христіанъ, даются ради имени Іисуса Христа, ради Его безконечнаго спусхожденія. *„О семъ есть любви, не яко мы возлюбихомъ Бога, но яко Той возлюбилъ насъ, и посла Сына Своєю очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ“* (1 Іоан. IV. 10). Являющаяся въ отвѣтъ на безконечную любовь Божію къ намъ наша собственная любовь къ Богу и Спасителю нашему, если она достигнетъ надлежащей степени и силы, послужить основаніемъ и нашего дерзновенія предъ престоломъ Судіи. *„О семъ совершается любви съ нами, да дерзновение имамъ въ день судный“* (1 Іоан. IV, 17).

Откуда, спросимъ мы теперь, такая особенность въ писаніяхъ и въ духовномъ складѣ ап. Іоанна, являющагося истиннѣ Апостоломъ любви? Почему для него любовь—родная стихія и все христіанское ученіе излагается у него съ точки зрѣнія любви Божіей и любви человѣческой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается уже самымъ воззрѣніемъ Ап. Іоанна на любовь. Вѣдь она, по нему, имѣетъ единственный и неисчерпаемый источникъ—это Любовь Божественную. Съ мѣны этой премірной и въ послѣдніе дни воплотившейся Любви онъ черпалъ и свою собственную любовь. Онъ былъ возлюбленнѣйшимъ ученикомъ Господа, особенно сильно чувствовавшимъ на себѣ вліяніе Его небесной любви. Въ этомъ можно видѣть причину того, почему все существо Ап. Іоанна было проникнуто любовію. Но здѣсь же необходимо надо предположить, что св. Іоаннъ и съ своей стороны отвѣчалъ на любовь Божественную Своего Учителя самою крѣпкою и нѣжною любовью вѣрнаго ученика. Иначе мы въ любви Господа признали бы нѣкоторое пристрастіе, т. е. уподобили бы ее обыкновенной любви человѣческой. Но Господь любилъ св. Іоанна за то, что и тотъ любилъ Своего Учителя. И дѣйствительно, въ часы незытаній любви Апостоловъ ко Христу, именно съ момента взятія Его подъ стражу, ап. Іоаннъ одинъ изъ Апостоловъ не отсталъ и въ это время отъ своего Божественнаго Учителя и молчаливо присутствовалъ при крестныхъ страданіяхъ и смерти Его, выслушавъ изъ устъ Умпрающаго послѣднюю волю Его, какъ Сына человѣческаго. Любовь ап. Іоанна скорѣе помогла ему повѣрить воскресенію Господа и затѣмъ узнать Его на Тиверіадскомъ озерѣ. „Это Господь“—тихо говоритъ онъ ап. Петру при явленіи Воскресшаго. Любовь къ Господу Іисусу Христу сказывается и во всѣхъ писаніяхъ Ап. Іоанна. Съ какою подробностью онъ излагаетъ важнѣйшія Его бесѣды, не приведенныя у другихъ Апостоловъ, какъ постоянно Божественное Лице воплотившагося Сына Божія стоитъ въ

центрѣ всѣхъ его богословскихъ построений. И послѣднія слова послѣдней, по крайней мѣрѣ, въ нашей Библии книги ап. Іоанна также выражаютъ эту горячую любовь Апостола къ Господу: „*Ей, явди, Господи Іисусе!*“ (Апок. XXII, 20).

О, если бы намъ, братіе, хоть въ малой мѣрѣ, усвоить даръ любви, столь отличавшій ап. Іоанна! Но гдѣ—спросите—его найти? Очевидно, тамъ, гдѣ напелъ его Апостолъ Іоаннъ: на лонѣ Любви Божественной, у сердца нашего Спасителя и Господа. Возлюбимъ же любовь, въ дѣлѣ строенія нашей жизни и нашего спасенія отведемъ ей самое главное мѣсто, ибо любовь есть сама жизнь, какъ говорить Ап. Іоаннъ: „*мы вѣды, яко приидомъ отъ смерти въ животъ, яко любимъ братію*“ (1 Іоан. III, 14), а отсутствіе ея, вражда есть смерть: „*не любяй бо брати, пребываетъ въ смерти*“. Въ любви существо и самой божественной жизни, внутренняя жизнь самого Божества. Откровеніемъ этой божественной жизни, посредникомъ ея для насъ является Сынъ Божій, это Слово жизни, сама Ипостасная Жизнь. „*Въ Томъ животъ бѣ*“ (Еванг. 1, 4).

По эта явившаяся Жизнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтъ для людей: „*и Жизнь бѣ свѣтъ челоукомъ*“ (Іоан. I, 4), „*Свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго челоука*“ (I, 9). Такимъ Она была и для Ап. Іоанна Богослова. По обилію своей любви къ воплотившемуся Сыну Божію и по Его любви къ Апостолу, при природной склонности своей къ созерцательности, Ап. Іоаннъ восшелъ на недостигаемую высоту богословія и духовнаго прозрѣнія. Онъ поистинѣ есть орелъ, парящій надъ міромъ и землею. Въ этой удивительной высотѣ богословствованія Апостола Іоанна, при которой ему оказались доступными самыя неизреченныя тайны Божественной жизни и Божественныхъ путей, заключается другая выдающаяся и исключительная черта личности воспоминаемаго нынѣ Апостола, черта весьма важная и многозначительная для тѣхъ, кто занимается богословскою наукою. Этимъ послѣднимъ, конечно, хорошо извѣстно, что писанія св. ап. Іоанна являются опо-

рою самых важнѣйшихъ частей нашей догматики, что тайна Божественнаго Лица нашего Искушителя, Его вѣчное бытіе, рожденіе отъ Отца, божеское достоинство, соединеніе съ человѣчествомъ въ лицѣ Иисуса Христа, дѣйствительность присутствія тѣла и крови Богочеловѣка подъ видомъ хлѣба и вина никѣмъ не описаны съ такою ясностью, какъ св. ап. Іоанномъ. Справедливо говорятъ, что св. ап. Іоанну было опредѣлено выразить послѣднее слово Божественнаго Откровенія, вводящаго въ сокровеннѣйшія тайны внутренней Божественной жизни и утвердить противъ еретиковъ основной догматъ христіанства—воплощеніе Сына Божія для дарованія міру вѣчной жизни. Онъ поэтому имѣлъ основаніе обращаться къ своимъ ученикамъ съ такими словами: *„ишиу вамъ, отцы, яко познасте Безначальнаго“*. Подъ его руководствомъ они, дѣйствительно, постигли премірныя тайны Божества, ибо Апостолъ Іоаннъ есть, дѣйствительно, „зритель неизреченныхъ откровеній и сказатель вышнихъ Вожіихъ тайнъ“, какъ поетъ нынѣ въ честь его св. Церковь. Онъ поистинѣ есть „сынъ громовъ“, какъ назвалъ его Самъ Господь. Какъ вѣкій небесный громъ, раздаются его слова: *„Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“* (Іоан. I, 1). Идея Слова или Логоса есть величайшее достояніе христіанской мысли и она обязана ею ап. Іоанну Богослову.—Но не одно положительное богословіе ап. Іоанна является высшею и совершеннѣйшею формою всего богословія христіанскаго, но и тѣ пути, которые онъ указываетъ къ изученію и познанію этого богословія, отличаются глубиною и истинностью, т. е. вѣрностью предмету. Богопознаніе, духовное просвѣщеніе, по Апостолу, не есть одно интеллектуальное познаніе, исходящее изъ одного разума и замыкающееся въ предѣлахъ этого разума. Нѣтъ, это познаніе, предполагающее жизненное общеніе съ познаваемымъ и влияющее на жизнь. Это собственно есть „хождение во свѣтѣ“ съ соотвѣтствующими жизненными плодами его. Религіоз-

ная истина не есть только предметъ теоретическаго усвоения, а она есть вмѣстѣ съ тѣмъ обязательно и практическая норма. „*Глядяй, яко познахъ Ею (Бога) и заповѣди Ею не соблюдаетъ, ложь есть и въ семь истины нѣсть*“ (1 Иоан. II, 4). Это руководящее правило при изученіи христіанскаго богословія должны близко принять къ сердцу всѣ занимающіеся этимъ богословіемъ. Христіанство безъ жизненнаго усвоенія его есть закрытая книга, которая никогда не можетъ быть прочитана. Безъ живой и одушевленной религіозности, безъ благодати христіанское богословіе не мыслимо. Примемъ же, братіе, этотъ завѣтъ Апостола любви и великаго Богослова и пусть потеряютъ силу всѣ упреки, что мы забыли путь опытнаго Богопознанія, что мы не владѣемъ правильнымъ методомъ въ области изучаемаго нами богословія.

Съ духомъ любви и высотой созерцанія у Ап. Іоанна соединялась удивительная цѣлостность и правильное, спокойное развитіе его духовной природы. Въ его жизни нѣтъ рѣзкихъ переходовъ, въ ней не было какихъ—либо глубокихъ паденій и внутренняго разлада, сопровождающагося душевными страданіями. Хотя онъ убѣжденно говорить, что „*аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельцаемъ и истины нѣсть въ насъ*“ (1 Иоан. 1, 8) и хотя благодать Св. Духа, преобразившая всѣхъ Апостоловъ, освободила и Ап. Іоанна отъ нѣкоторыхъ рѣзкостей въ его характерѣ и взглядахъ (Тук. IX, 54), но ничто изъ прошлой жизни не доставляло душевныхъ страданій обновленному сердцу Ап. Іоанна, какъ это было, напр., съ Ап. Павломъ при воспоминаніи имъ его дохристіанскаго образа жизни или съ Ап. Петромъ при воспоминаніи имъ своего отреченія. Въ этой цѣлостности и гармоническомъ развитіи духовной природы Ап. Іоанна заключается третья отличительная особенность его. И мы дерзаемъ думать, что она коренится въ томъ обстоятельстве, что Ап. Іоаннъ былъ призванъ къ апостольству во дни его юности, въ тѣ дни, когда его чистая дѣв-

ственная душа вся была объята пламенемъ вѣри въ явившагося Мессію и любви къ этому небесному Посланнику. А юность имѣетъ удивительное свойство. Правильно проведенная, она дѣлаетъ человека на всю жизнь юнымъ душой, глубокимъ идеалистомъ. Свойства этого возраста,—его отзывчивость на все великое, святое, его потребность въ сочувствіи, симпатіи—эти естественные духовные дары юности, если ими правильно воспользоваться, дѣлаютъ то, что вся послѣдующая жизнь юноши—идеалиста течетъ ровно, спокойно, безъ переломовъ, скорбей и надрыва. Даже для праведниковъ, бывшихъ въ началѣ грѣшниками, хотя они потомъ покаяніемъ загладили свой грѣхъ, жизнь есть постоянная борьба, понужденіе, покаяніе и слезы. Даже въ будущей жизни сохранившіе отъ юности свои души нерастлѣнными будутъ имѣть какой то особый даръ, какого не удостоятся и величайшіе подвижники, если они не сохранили себя отъ крещенія. Св. Ап. Іоаннъ въ откровеніи видѣлъ, какъ сонмъ дѣвственныхъ, нерастлѣнныхъ душъ пѣлъ предъ престоломъ Божиимъ пѣснь, которой не могъ научиться никто, кромѣ нихъ, и какъ онѣ были ближе всѣхъ къ Агнцу и всюду слѣдовали за Нимъ (Апок. XIV, 3—5). Духовная жизнь, возжженная во дни юности, отличается особенною цѣлостностью и силою. Это свидѣлательствуетъ самъ Ап. Іоаннъ, когда онъ, выдѣляя среди своихъ читателей юношей, говоритъ имъ: *„писалъ вамъ, юноши, яко крѣпцы есте, и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣдите лукаваго“* (1 Іоан. II, 14). Да, великій даръ Божій—юность и великое значеніе этого дара для духовной жизни, можемъ мы воскликнуть, стоя предъ духовнымъ образомъ возлюбленнаго ученика Христова. И блаженъ тотъ, въ комъ этотъ даръ принесетъ такой плодъ, какой принесла св. Іоанну его юность, отданная Христу.

Дорогіе юноши, младшіе члены нашей академической семьи! Не я, а самъ Апостолъ любви, воспоминаемый нами,

ственная душа вся была объята пламенемъ вѣры въ явившагося Мессію и любви къ этому небесному Посланнику. А юность имѣетъ удивительное свойство. Правильно проведенная, она дѣлаетъ человѣка на всю жизнь юнымъ душой, глубокимъ идеалистомъ. Свойства этого возраста,—его отзывчивость на все великое, святое, его потребность въ сочувствіи, симпатіи—эти естественные духовные дары юности, если ими правильно воспользоваться, дѣлаютъ то, что вся послѣдующая жизнь юноши—идеалиста течетъ ровно, спокойно, безъ переломовъ, скорбей и надрыва. Даже для праведниковъ, бывшихъ въ началѣ грѣшниками, хотя они потомъ покаяніемъ загладили свой грѣхъ, жизнь есть постоянная борьба, понужденіе, покаяніе и слезы. Даже въ будущей жизни сохранившіе отъ юности свои души нерастлѣнными будутъ имѣть какой то особый даръ, какого не удостоятся и величайшіе подвижники, если они не сохранили себя отъ крещенія. Св. Ап. Іоаннъ въ откровеніи видѣлъ, какъ сонмъ дѣвственныхъ, нерастлѣнныхъ душъ пѣлъ предъ престоломъ Божиимъ пѣснь, которой не могъ научиться никто, кромѣ нихъ, и какъ онѣ были ближе всѣхъ къ Агнцу и всюду слѣдовали за Нимъ (Апок. XIV, 3—5). Духовная жизнь, возжженная во дни юности, отличается особенною цѣлостностью и силою. Это свидѣтельствуетъ самъ Ап. Іоаннъ, когда онъ, выдѣляя среди своихъ читателей юношей, говоритъ имъ: *„писахъ вамъ, юноши, яко крѣпца есте, и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣдите лукаваго“* (1 Іоан. II, 14). Да, великій даръ Божій—юность и великое значеніе этого дара для духовной жизни, можемъ мы воскликнуть, стоя предъ духовнымъ образомъ возлюбленнаго ученика Христова. И блаженъ тотъ, въ комъ этотъ даръ принесетъ такой плодъ, какой принесла св. Іоанну его юность, отданная Христу.

Дорогіе юноши, младшіе члены нашей академической семьи! Не я, а самъ Апостолъ любви, воспоминаемый нами,